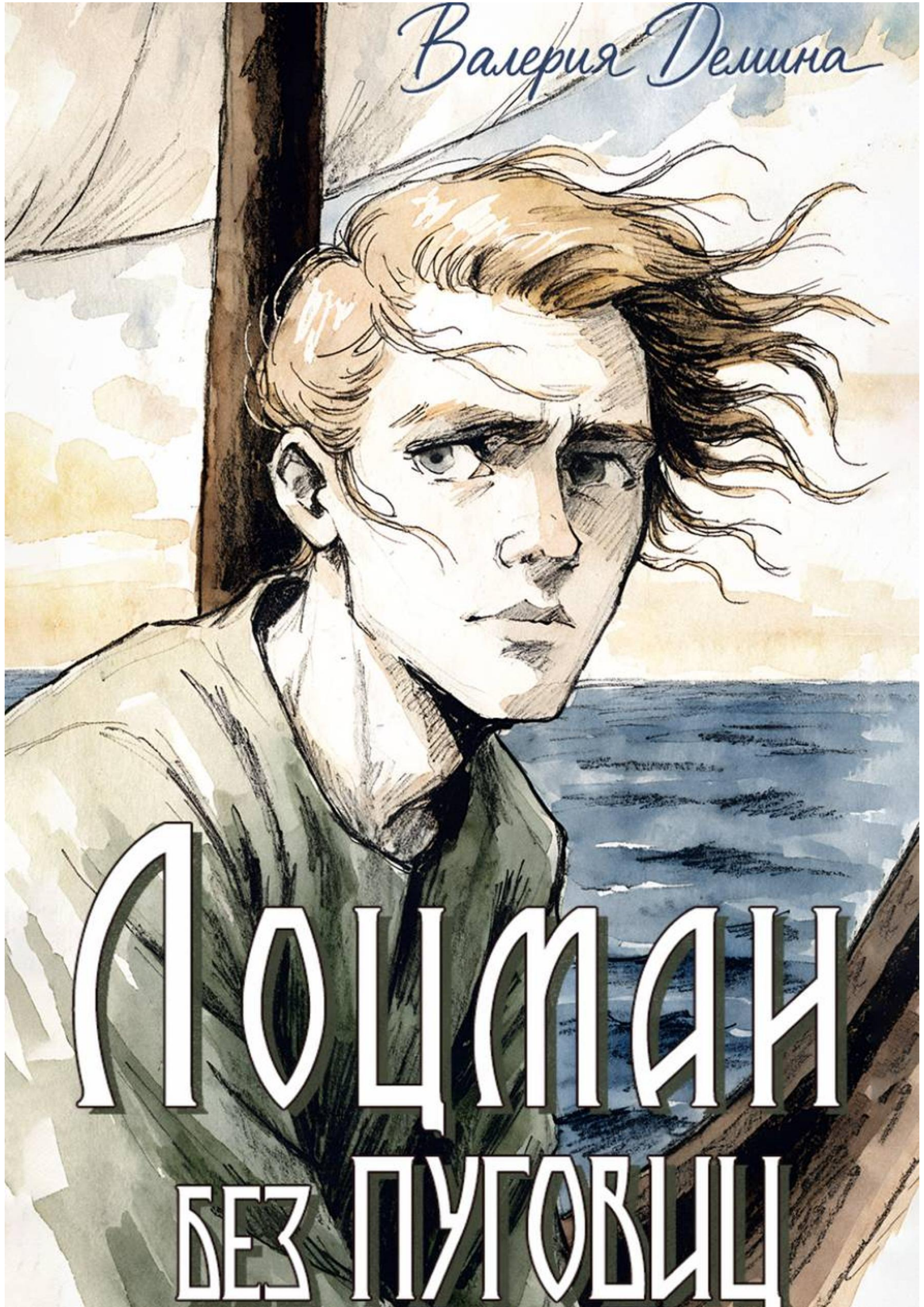

Валерия Делина

ПОЦТАН БЕЗ ПУГОВИЦ

Валерия Демина

Лоцман без пуговиц

«Автор»

2026

Демина В.

Лоцман без пуговиц / В. Демина — «Автор», 2026

Кукша — потомственный лоцман-помор. Он знает здесь каждую отмель и безупречно проводит торговые чародейские колесники к большому северному порту. Однако, нынче его подняли из моря, а он не помнит двух последних дней. На чье судно он нанимался? Как оказался в воде с кровящей раной на затылке? Почему, в конце концов, с кафтана аккуратно срезаны все его именные лоцманские пуговицы? Случай поможет вспомнить — и показать недругам, что в этих водах значит помор.

© Демина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Чужая палуба	5
2. Порт Арсис встречает Кукшу	8
3. Нос «Лебедя»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лоцман без пуговиц

1. Чужая палуба

Кукша перестал выплевывать море на доски и попытался разлепить глаза.

Без толку — тотчас же зажмурился от едкой соли. Успел только заметить, что его окружает толпа, а под ладонями — гладкое влажное дерево палубы. Кажется, он был на крупном судне.

— Вы потерпели крушение? — через водную пробку в ушах прорвался требовательный вопрос. — Рядом есть еще, кого вылавливать?

Кукша стоял на коленях, кашлял и ничего не отвечал. Во-первых, горло горело, будто по нему скобелем прошлись. Во-вторых — он не помнил ответа.

— Есть ли рядом еще пострадавшие? — повторил офицер свой вопрос.

Что это офицер — Кукша понимал с закрытыми глазами, по гладкому говору. Он был рад ответить тоже четко и по существу, но сумел лишь рвано прохрипеть:

— Не знаю...

— Кто вы? — поменял тогда офицер свой вопрос.

Это оказалось проще.

— Из вожей, — сказал он, растирая глаза тыльной стороной ладони.

— Дайте ему воды!

Кукша почувствовал, что в его трясущиеся руки тычется ведро. Он сел и ощупью промыл глаза пресной водой. Едкости определенно стало меньше, но картина, открывшаяся ему вместе с тем, была не из веселых. Вокруг него собрались такой толпой, словно он провинился и деревенская община решает его судьбу. Кукша, наконец, проморгался, и в толчее матросов разобрал три черные фигуры офицеров.

— Ты вел корабль, — высказал один, светловолосый и безусый, на котором Кукша приметил длинные эполеты капитана. — Где он?

Вопрос, разумеется, дельный. Если местного «вожу» (по-городскому — лоцмана), знавшего морское дно лучше собственной избы, вылавливают из бегучих волн — легко предположить, что вел он не слишком удачно и следует искать вокруг обломки. По-видимому, ради этого спасшее судно теперь не двигалось — огромные колеса по бокам кормы молчали и не брызгали на палубу.

— Не помню, — признался Кукша.

Капитан подумал несколько мгновений.

— Что помнишь?

Он смотрел ясно и без небрежения, с искренним желанием понять произошедшее. Кукша напряг свою память как мог, на затылке слева даже болью отдалось.

— Подрядился на колесник, провести в Арсис, — перечислил последнее, что поступало клочками в сознании. — Дал... ничего. У вас очухался.

Лоцманов — «вожей» или «носовиков» — нанимали даже те купцы, что торговали с Ладией десятки лет. С запада проход к гавани порта Арсис звался «Горлом» и весь пестрел островками, камнями, галечными мелями — провести судно, не заблудившись и не застряв, умел только местный. Община поморов, сделавшая лоцманское дело своей службой, жила на входном западном крае этого Горла. «Морское знание» передавалось поколениями, частью через рисунки и тетради, частью — на практике. Свадьбы тоже старались улаживать между своими, чтобы «книги морского ходу» не ушли в посторонние руки. Потомственные вожи-поморы, если не совсем уж непутевые, бывали неизменно хороши, так что потеря судна при красной погоде вряд ли могла лежать на совести Кукши.

Это понимал и капитан, потому спросил иное:

— Как звать?

— Кукша. Леонтия Патлатого старшой сын.

— Где же твои пуговицы, Кукша Леонтьевич?

Кукша посмотрел на мокрый шерстяной кафтан, по-лихому распахнутый. Одежда вожей шилась по уставу старого императора, чьими стараниями здесь и разрослось такое судоходство. Порядок тот любил до того, что и от наемных лоцманов требовал носить зеленые кафтаны и выжигать на деревянных пуговицах имена — проще будет в случае чего беднягу опознать. Вожи закон государев блюли и пуговицы уже сотню лет подписывали — только на одежде Кукши нынче не осталось ни одной.

— Вот-те пропасть, — свистнул он, озирая щеточки суровой нити с аккуратным срезом от ножа.

Не было, значит, никакого крушения — его нарочно выбросили в море, да еще позаботились, чтобы не рассмотрели в парне вожу-помора, если тело куда далеко отнесет.

— Сняли их! — поднял он глаза на капитана. — Я саморучно на них имя выжигал!

— Славно ты вел, что тебя в награду за борт выкинули, — заметил коренастый матрос из кружка.

Кукша раскашлялся от обиды и не сразу смог обороняться, но после пробурчал:

— Я хорошо провожу! Четвертый год уже сам, до этого — семь годов с батей. За это время ни одной галечной кошки брюхом не проскребли!

Толпа смолчала выразительно — личностью их «улов» оставался хотя и жалкой после утопления, но неопознанной и подозрительной.

— Да хоть бы вашего вожу спросите — он-то меня, поди, знает! — нашелся вдруг с радостью Кукша. — Может, и видел, кто нанимал меня на этих днях! С одной избы в море выходим.

Идея была светлая — однако, молодой капитан удивил:

— Мы идем без лоцмана.

— Как? — ревниво удивился вожа. — Нешто вы сами прошли через Горло?

— Мы пришли с севера, — улыбнулся капитан, как-то даже горделиво заложивши руки за спину.

Кукша теперь и сам не поверил: сюда, в край полярных ночей — пришли с севера? На полночь отсюда лишь вечные льды и мерзлая нежилая земля, которую открыли государевы смельчаки тому назад три навигации. Только они одни до сих пор ходят туда каждый год на двух судах — «Императрице Эльзе» и...

Кукша приклонил набок ведро, из которого умывался — белой краской на меди было начертано «Север». Тот самый, второй колесник на магическом ходу, который весной впервые вышел парю с «Императрицей Эльзой». Кукша заново обвел глазами мореходов — нынче эти усталые и жилистые люди возвращались из таких широт, куда не добирался даже брат-помор на своем проворном коче.

Теперь стало яснее, отчего они глядят с таким прищуром — они не торговцы, а военное судно, «экспедиция», идущая под конец навигации домой. В этих водах много разного люда, и иные заморские гости дорого бы отдали, чтобы изнутри рассмотреть их ледоходный колесник или выкрасть карты, черченные по пути. По слухам, такое уже приключалось с «Императрицей Эльзой» раньше, еще до начала пути.

— Не надо мне ваших секретов, — пробурчал Кукша под их тяжелыми взглядами. — Нешто я нарочно под ваш борт нырял?

Двое младших офицеров не изменили напряженных лиц, но капитан, кажется, не склонен был искать подвоха.

— Уж вижу, — кивнул он. — Добровольно ты бы вряд ли дыру на затылке решился проделать.

Кукша тронул голову там, где кололо — и точно, под слипшимися волосами нащупал приличную длинную рану. Череп, кажется, был цел, но соль щипала знатно. Это еще благо, что он такие густые соломенные патлы от своего тяти унаследовал, что и злодеи не прошибли.

Кто же его нанимал, как бы вспомнить? И чем он, Кукша, им не угодил? Оставалось вернуться в деревню — отлеживаться под присмотром матушки, да всех своих расспрашивать. Он с сожалением глянул, что бос — а только накопил на новые сапожищи! Поморский вожа — не рвань какая, знатокам моря издревле платили хорошо. Кукша четвертый год ходил, а женихом уже прослыл небедным. Только не ради же его отличной обуви те корабельщики на грех пошли, по затылку огрели? Денег Кукша с собою не брал, а на харчи в порту как раз и должен был получить за провод через Горло. Обратно — нанялся бы на другое судно.

— Господин капитан! — крикнул востроглазый матрос с марса. — «Императрица» о намеренье запрашивает. Что просигналить? В Арсис за ними идем — или людей в воде ловим?

— Идем в Арсис, — ответил капитан Рауль Дийенис. — Людей за бортом нет, по-видимому. Нашего честного Кукшу доставим до порта. Найдите ему сменную одежду. И, господин лекарь, будьте любезны, займитесь его головой. Не то свои же добрые соседи вмиг прозовут его Кукшей Дырявым.

2. Порт Арсис встречает Кукшу

С «Севера» Кукша сошел этим же сентябрьским вечером в собственном высушенном платье, но без пуговиц и босиком.

Никогда еще судно, которое он приводил, в Арсисе не встречали с такой всенародной помпой — на уши поднялся, кажется, весь порт. Пока «Императрица» и «Север» величаво швартовались, на пристань согнали оркестрик, который теперь надрывался трубами и скрипкой. Городские маги устроили фейерверк над заливом, раскрасив сумерки над морем золотом огней. Надзорщик судоходства несколько раз одергивал на животе камзол, готовясь говорить торжественные речи. Выскаться ему долго не давали: бабы поголосистее него набежали табуном, залили всю пристань слезами — и это еще так, случайные. Те, которые мамки, сестры и жонки кого-нибудь из экипажа — прорвались через толпу и даже рыдать не могли, а повцеплялись в своих и застыли. Одна такая, очень молодая и до жути нарядная, висела на капитане Дийенисе добрый десяток минут.

«Поди ж ты, — чуть удивился Кукша, но тотчас и заважничал: — Стало быть, не столичный, а наш!»

Кукша хотел проститься с капитаном и поблагодарить, но не дождался и побрел на западный край порта как был, босой, в распахнутом кафтане. Какая-то девица бросилась наперерез и чуть не взялась лобызать и его, героически обвязанного докторским бинтом из холстины, но парень отпрянул — чествования относились к вернувшимся живыми из опасной экспедиции, а не к случайному воже, потерявшему в одночасье и свое судно, и книгу лоций, и именны пуговицы.

Под разочарованным девичьим взглядом Кукша пробрался в ту часть длинного порта, где кучковались самые дорогие амбары с чарованными ледниками — и потому самые приличные трактиры. Поморские вожи обыкновенно обитали там, ибо купцы там швартовались побогаче, стало быть, за провод обратно через Горло обратно на запад могли заплатить хорошо.

Земляка Вавилу Кукша увидел издали — тот расположился перед дверьми «Жирной трески» на бочке и эту самую треску уплетал с пареной репой. Парню пришлось обогнуть гору мешков гагачего пуха и проскочить через цепочку грузчиков, сносивших ящики с барритского колесника, только тогда его заметил ужинавший земляк.

— Да ты ровно под колесом побывал, — крикнул Вавила, обтирая седеющие желтые усы ладонью.

Кукшу не оставили на «Севере» без порции пшенки с тюленьим жиром, но слюни от вавилиного ужина все равно потекли — особенно когда тот громко глотнул темного квасу из глиняной кружки.

— Может, и побывал.

— И сапоги свои воде отдал? — забавлялся Вавила.

— Да смерть надоели — цельну седмицу уже нашивал.

— Пуговицы тоже там сронил?

— Не, — отмахнулся языкастый Кукша, — на них я медведя ловил.

— Где сам улов-то?

— Нагрузил его деньгой и домой лесом отправил. Пока сам ворочусь, маманя из него уже шубу скроит, в ней потащусь к младшей Евсеевне свататься.

— А это у тебя, — кивнул Вавила на перевязанную голову земляка, — до свадьбы-то затянется?

Беседа шла как полагалось и славно дополняла ужин с видом на морскую волну между гордыми колесниками на пристани. Вавила был очень доволен, только Кукша вдруг посерьезнел.

— Слушай, дядька Вавила, — понизил он голос, — ты рядом был, когда я подряжался? Весь ум извел — не помню, к кому сел. Очухался уже у нашенских господ, весь изукрашен.

— Эк тебя, — цокнул Вавила и без просьбы отдал половину репы. — Был я, как не быть. Мы с тобой с одного бота сажались. Я на нашей «Нерпе» пошел, а тебя барриты на нос пригласили — они на малом колеснике шли, с черным ободом. Только поди по-ихнему разбери, чего на боках накалякано.

Кукша от репы отказываться не стал и откусил ее белый бочок крепкими зубами.

— Давно свой привел? — спросил он, жуя и оттого несколько веселея.

— Вчера поутру.

— А моего не встречал?

— Не то, штоб я высматривал, — качнул Вавила головой, — а так за оба дни не попался.

Кукша комком проглотил свою репу. Ничего не попишешь — придется тащиться к местным ловцам, все выкладывать. Дальше уж их дело разбираться — на этой «Нерпе» выпросят, кто стоял с ними на якоре у лоцманской деревни. Если барриты до порта дошли — у них судьбу вожи и выяснят. Если же барриты сами не появились — тогда ловцам следует знать, что невдалеке ходит иноземный колесник, зачем-то бросивший лоцмана в море. И хорошо еще, если ходит — а ну как правда в чепуху разбился? Словом, как ни верти, придется доложить в Приказе, и только после — домой на лечение.

— Ты уже с кем сговорился обратно? — спросил Кукша у земляка.

Вавила без торопливости выковырял изо рта тонкую рыбную кость и щелкнул ее под ноги, где уже поблескивала жиром россыпь таких же.

— С этими завтра пойду, — бородой показал он на трехпалубный колесник прямо против себя, после чего кивнул правее. — Домой надо? Ты вон, на «Лебеде» испытай. Они даже ноне думали выйти, да мы с ними не столковались. За четыре серебрушки я и в твои годы через Горло не водил, а со своей сединой и подавно.

За гроши и Кукша тоже не повел бы — в иных обстоятельствах. Нынче же носа бы не отворотил, только и сам теперь не больно солидный. Парень покрутил обрывок нити на кафтане — вперед нужно порядок с пуговицами соблюсти и хоть во что-нибудь обуться. Как ни тверди, что море ведаешь, а босому воже с перевязанной башкой ни один капитан не поверит. Небось, еще и подымет на глум.

— Пелагея Никандровна! — крикнул между тем Вавила в растворенные двери «Жирной трески». — Уважь-ко нас, хозяйка, ишшо кружечкой. Да тащи горячие калитки.

Хозяйка появилась почти сразу, неся на деревянном блюде квас и два открытых пирожка-калитки с темным ягодным вареньем, блескучим от сахара. Кукшу она знала и, рассмотревши голову — ах да руками мах. Вавила ее перебил.

— У тебя дочка мастерица, — протянул он. — Пускай кафтан Кукше починит.

Мастерице добегал уже седьмой годок, так что Кукша мог не сомневаться, что пуговицы та ему управит в лучшем образце. Дядька Вавила даже отсыпал хозяйке несколько медных лун вместо товарища — и за ремонт его кафтана, и за угощение. Кукша выхлебал прохладный квас в один присест и разлился широкой благодарностью.

— Ишшо лапти у тебя на нашего гораздного найдутся? — продолжил между тем Вавила.

Пелагея Никандровна взглянула Кукше на ноги, уже промерзшие на бревенчатых мосточках порта. По первом взгляде осуждающе вздохнула, а на втором уже прикинула размер.

— Самолучшие сыщем, — пообещала она. — Озябно-то ноне босому.

— Спаси Господь! — еще раз повторил обоим Кукша. — А я к ловцам.

Поставил кружку от кваса на бочку, лодочкой свернул обжегшую калитку с голубелью и затолкнул ее в рот целиком. Лишь после этого бросил кафтан Пелагее Никандровне, поклонился обоим поморам и завернул в правый от «Жирной трески» переулок, взбиравшийся вверх

по холму. Мимо пожухлого шиповника вышагивал степенно и с достоинством, но, скрывшись из виду своих, во все лопатки припустил ввысь, к улицам старого Арсиса.

Бегал Кукша, по чести, не очень сноровисто — куда привычнее было, чтобы море само несло его вперед на корбасе, коче или торговом колеснике. К тому же, его легкие еще терзались болью, не забыв утренний привкус морского рассола. Едва достигнув городского парка, Кукша принужден был вернуться к шагу и по тропе наискосок двинуться медленно, вдыхая сентябрьский воздух носом, коротко и неглубоко.

Яблоки в парке уже обобрали с ветвей, но лист еще не весь слетел на землю. Днем здесь пестрело бы в глаза желтым с березок, оранжевым с клена и алым от гроздьев рябин — но северный край уже не был светел всю ночь напролет, как по лету. Солнце теперь уходило за море целиком, и в этот вечерний час парк окутался тьмою.

Голоса Кукша слышал издали — общались господа и дамы, сопровождая говор легким звоном серебра о фарфор. Вожа сейчас же угадал, что вечеряют в старой резной беседке в сердце парка, где частенько принимали офицеров с кораблей. Он недовольно свернул на иную тропу — длиннее, да не мимо барского торжества. Пусть их.

Деревья здесь стояли гуще и тьма оказалась плотнее, потому две встречные фигуры Кукша приметил не сразу. Обругавши новое свое невезение, он отступил с пути господ под рябину, неловко и шумно. Двое не торопились, и тот, что был чуть ниже и плотнее, обернулся в темноте на вожу.

— Кто шныряет? — спросил он с отеческой строгостью. — Не порт, чтобы шляться здесь по ночам.

Лиц и званий Кукша не разобрал. Он чуть опустил голову, чтобы не попрекнули в дерзости, но отвечал с твердостью, помня свою правоту.

— Дело гонит.

— Уж и дела у наших моряков на берегу, извольте видеть, — повернулся говоривший к спутнику.

По голосу — кажется, улыбнулся. Надобно думать, трапеза в оставленной ими беседке была много изысканней трески и кваса, отчего и привела господина в доброе расположение. Однако, Кукша несколько обиделся и ляпнул:

— Оно и не мое, а государственное.

Преувеличил, пожалуй, но и не слишком — его беда касалась барритского судна, а это, как ни глянь, в надзор Посольского приказа попадало. Без этого он бы и сам не рвался с ловцами балясничать.

— Так-так? — заинтересовался благодушный господин. — Может статься, ты тогда нам его безотлагательно поведаешь?

Парень как мог присмотрелся во тьме: камзол на господине темный, в петлице — крест неразличимого достоинства, а по скулам — совсем тонкие смешные бакенбарды, последняя барская мода, редко попадавшаяся даже в городе.

«Никак, губернатор!» — узнал тогда Кукша.

Глава Арсиса, хотя и был далек от юности, а все щеголялся. Что же, сообразил тогда вожа, таить ему нечего, а без ловцов уладить — даже сподручнее.

— Вам поведаю! — согласился он. — Три дни назад меня принял барритский колесник, с запада через Горло пройти...

Сказ лоцмана оказался совсем куцом — ход найма и само судно, вроде как барритское, Кукша описал со слов своего земляка, и сразу перескочил к тому часу, когда обнаружил себя на совсем другом колеснике. Все прочее существенное выветрилось из ума, по-видимому, от хорошего удара по затылку.

— Мне што, — завершил он, небрежно пожавши плечом. — Но если у нас в воде соседский колесник стерется... то как бы распри не вышло.

— Это ты правильно судишь, — одобрил губернатор. — Бесприглядные соседские суда в ладийских водах нам ни к чему, ни к чему. Только история, голубчик, больно уж дикая. Пуговицы, говоришь, они отрезали?

— Все до одной, — бодро подтвердил Кукша, и вдруг задумался.

В самом деле, отрезали все — только подписывал-то он не каждую, а ровно половину, как по обычаю заведено. Разве злодеи не ради скрытия его персоны потрудились? Губернатор, похоже, эту деталь вниманием отметил сходу, и потому говорил теперь без лукавой искорки, а строго и недоверчиво.

— И ранение устроили тебе на голове?

— И ранение, — подтвердил Кукша, хотя сам теперь не мог взять в толк, одного его ли там обидели, или что другое, похуже на воде произошло.

— Резвый ты для пришибленного, — отметил губернатор как бы сам себе.

— Дак меня корабельный доктор латал, — стал уже сердиться и без того растерянный Кукша.

Оно что — ему надо тех заблудившихся барритов отыскивать? Не желают господа — так и не нужно, он быстрее сам вернется в порт, пока прижимистый капитан «Лебедя» не прибавил платы и не согласил другого вожу. Губернатор, однако, не отпускал:

— Ну, не кипятись. Кто тебя, говоришь, на борт после несчастья поднял?

— Я и поднял, господин губернатор, — сказал во тьме второй господин, что повыше.

Кукша едва не подпрыгнул, узнав капитана Дийениса. Этот уж — голова и не рубит с плеча, разберется!

— Подтверждаю, — действительно продолжил капитан, — что пуговицы на кафтане лоцмана отсутствовали, а на голове его имелась рана в два пальца шириной. Не от клинка, пожалуй, но от чего-то тонкого и жесткого.

Такого собеседника, героя дня, даже губернатор запросто задвинуть не сумел бы.

— Как он до вас с такой раной дотянул? — только спросил аккуратно.

— Без сознания был, но повис через доску, — отвечивал спокойный капитан.

Голос губернатора стал уже вовсе мрачнеть:

— Свежую? Корабельную?

— По виду — давно дрейфовала, не то я сам там развернул бы операцию.

Губернатор помолчал, но кивнул, принимая ответ.

— Что ж, показания твои я принял, лоцман Кукша, Леонтия сын. Свободен до времени, — произнес он негромко и раздумчиво. — Будешь снова в порту — заглядывай в Приказ. Если пазыщем твоих обидчиков — то от тебя не скроем.

То есть «далеко не ходи, мы еще потолкуем», догадался Кукша.

— Благодарствую! — сказал однако он и поклонился.

Обратно на пристань снова взял разгон. Бежать еще было тяжело, но он страшился, что к его возвращению примеченный колесник уже найдет себе вожу — и без него, Кукши, уйдет на вольную даль Северного моря.

Губернатор смотрел на удаляющееся пятно светлой рубахи, поглаживая модные бакенбарды. Со дня на день он ждал барритского «Ската» с особенным грузом, но до сих пор тот в порт не заходил. Если вожа не приврал (а уж капитана Дийениса во лжи еще труднее заподозрить), то придется гнать поисковый корабль. С магами. Срочно.

3. Нос «Лебеда»

К радости Кукши, «Лебедь» еще покачивал бортами у пристани, гулко плеская водой на опоры настила.

Ночь почти завладела Арсисом. Лебедки умолкли давно, не гремели телеги, позамыкались на железные засовы двери длинных амбарных рядов. Людей стало меньше — не перекрикивались грузчики с мешками, не спорили над бочками писари, переводя и запечатлевая сговоры купцов.

Но порт, известно, не дремал.

Матросы, чьи капитаны были не из строгих, мотались вдоль пристани туда-сюда, то с песней, то с руганью, порой неотличимыми друг от друга. В «Жирной треске» уже заложили окошки, но кабачки подешевле стояли раскинуты настежь — заходи, если есть хоть монетка, а нет — здесь и выиграй в кости, но будь готов отдать последние порты. Где не поскупились на скрипачей — там плясали, под пять одинаковых нот крутя коленца по образцам всех ближайших земель. И дрались, конечно — до переломов, до крови, и хуже.

Отдышавшись от бега, Кукша три раза стукнул в «Треску». Строгий Вавила не признавал ночной гульбы и до завтра удалился спать в комнату над залой. Хозяйка без него отдала Кукше онучи, два маловатых лаптя и починенный кафтан. На горловой пуговице даже оказались выжжены лучиной буквы: поверху «С.Л.С.», то есть «Северная лоцманская служба», а по низу — безфамильное «Кукша».

— Вавила расстарался, — доложила хозяйка. — Сказывал, чтобы ты шел к нему, если на «Лебеда» не пристроишься. А по порту не терся зазря.

Кукша пожелал доброй жонке всякой поветери в деле, облачился и застегнулся. В запахнутом кафтане и обутке сделалось спокойнее — теперь можно было и другого счастья попытать. Он расправил плечи и шагнул на край деревянных мостков.

Перекрестив его спину, Пелагея Никандровна валко вернулась в трактир, цыкнула на шестилетнюю мастерицу, игравшую с пестрым гагарьим пером у остывавшей печи, и, наконец, заложила тяжелые двери — до утра, как она полагала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.